

Михаил Лукьянов

**Российский консерватизм и реформа,
1907-1914**

С предисловием Марка Д. Стейнберга

SOVIET AND POST-SOVIET POLITICS AND SOCIETY

ISSN 1614-3515

Recent volumes

- 31 *Vladimir Kantor*
Willkür oder Freiheit
Beiträge zur russischen Geschichtsphilosophie
Ediert von Dagmar Herrmann sowie mit einem Vorwort versehen von Leonid Luks
ISBN 3-89821-589-X
- 32 *Laura A. Victoir*
The Russian Land Estate Today
A Case Study of Cultural Politics in Post-Soviet Russia
With a foreword by Priscilla Roosevelt
ISBN 3-89821-426-5
- 33 *Ivan Katchanovski*
Cleft Countries
Regional Political Divisions and Cultures in Post-Soviet Ukraine and Moldova
With a foreword by Francis Fukuyama
ISBN 3-89821-558-X
- 34 *Florian Mühlfried*
Postsowjetische Feiern
Das Georgische Bankett im Wandel
Mit einem Vorwort von Kevin Tuite
ISBN 3-89821-601-2
- 35 *Roger Griffin, Werner Loh, Andreas Umland (Eds.)*
Fascism Past and Present, West and East
An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right
With an afterword by Walter Laqueur
ISBN 3-89821-674-8
- 36 *Sebastian Schlegel*
Der „Weiße Archipel“
Sowjetische Atomstädte 1945-1991
Mit einem Geleitwort von Thomas Bohn
ISBN 3-89821-679-9
- 37 *Vyacheslav Likhachev*
Political Anti-Semitism in Post-Soviet Russia
Actors and Ideas in 1991-2003
Edited and translated from Russian by Eugene Veklerov
ISBN 3-89821-529-6
- 38 *Josette Baer*
Preparing Liberty in Central Europe
Political Texts from the Spring of Nations 1848 to the Spring of Prague 1968
ISBN 3-89821-546-6

Михаил Лукьянов

**Российский консерватизм и реформа,
1907-1914**

С предисловием Марка Д. Стейнберга

Mikhail Loukianov

**Russian Conservatism and Reform,
1907-1914**

With a foreword by Mark D. Steinberg

ibidem-Verlag
Stuttgart

Bibliografische Information Der Deutschen Bibliothek

Die Deutsche Bibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <<http://dnb.ddb.de>> abrufbar.

На обложке: Царь-колокол, Кремль, Москва. Фото неизвестного автора. 1860-е годы. Фотография размещена на: http://commons.wikimedia.org/wiki/Image:Tsar_Bell_Moscow_1860s.jpg.

Царь-колокол – один из наиболее известных символов имперского величия и авторитарной власти, с которыми традиционно ассоциируется российский консерватизм.

Был отлит в 1735 г. И.М. Моториным. В 1737 г. от колокола отвалился крупный фрагмент. Около ста лет памятник пролежал в литейной яме, В 1836 г. был поднят на постамент, спроектированный О. Монферраном.

∞

ISBN-13: 978-3-8382-5503-3

© *ibidem*-Verlag

Stuttgart 2006

Alle Rechte vorbehalten

Das Werk einschließlich aller seiner Teile ist urheberrechtlich geschützt. Jede Verwertung außerhalb der engen Grenzen des Urheberrechtsgesetzes ist ohne Zustimmung des Verlages unzulässig und strafbar. Dies gilt insbesondere für Vervielfältigungen, Übersetzungen, Mikroverfilmungen und elektronische Speicherformen sowie die Einspeicherung und Verarbeitung in elektronischen Systemen.

Моим родителям

Содержание

<i>Abstract in English</i>	9
<i>Foreword by Mark D. Steinberg</i>	11
<i>Благодарность</i>	15
Введение	17
I Проблема реформы в политической философии российского консерватизма кануна Первой мировой войны	27
II Реформа власти и консерваторы	51
II. 1 Монархия и монарх глазами консерваторов.....	51
II. 2 Консерваторы и правительство.....	59
II. 3 Консерваторы и представительные институты	76
II. 4 Политические идеалы консерваторов	83
III Консерваторы и национальные проблемы	115
III. 1 Кто виноват?: Взгляд справа	116
III. 2 «Россия - для русских!»: от дубровинцев до думской правой	137

III. 3 «Россия - для русских!»: националисты и «национал-демократы».....	149
III. 4 Консервативная оппозиция русскому шовинизму: «Россия – для русских подданных»?	163
IV Социально-экономические реформы глазами российских консерваторов.....	177
IV. 1 Социально-экономическая ситуация: «блестящие хозяйственные перспективы» или «колосс на глиняных ногах»?.....	177
IV. 2 Социально-экономические проекты консерваторов.....	202
V Консерваторы и «обновленная Россия».....	225
Заключение	243
<i>Библиография</i>	<i>259</i>
<i>Указатель имен</i>	<i>280</i>

Abstract in English

Mikhail Loukianov

Russian Conservatism and Reform, 1907-1914

Conservatives displayed deep dissatisfaction with the state of affairs in Russia in 1907-1914. A critical attitude toward reality was expressed more strongly by extreme right-wing supporters of the All-Russian Dubrovinist Union of Russian People and less strongly by relatively moderate sympathizers of the All-Russian National Union. Over time, dissatisfaction spread from the right to the left, capturing even representatives of the left flank of Russian conservatism by the beginning of World War I. Their negative mood increased especially after the death of Stolypin, who was accepted as a symbol of conservative reform implemented in a «national spirit». Conservatives of various persuasions, advocates and opponents of reform, came together in a negative evaluation of the current uncertain situation which satisfied neither.

An explanation for this must be sought above all in the conservatives' attitude toward Russian modernization. Although Russian conservatism did not, in principle, reject the need to adapt to new realities, it was extremely difficult for conservatives to accept that variant of socioeconomic and political modernization that was taking place in Russia in practice.

The social base of Russian conservatism was patently inadequate for the new trends. According to statistical data about the deputies of the Third and Fourth Duma conservative factions attracted individuals from the dominating ethno-confessional group, who, at the same time due to poverty, low level of education, and connection with stagnating agriculture were deprived of real chances for success in a quickly modernizing Russia. Russian conservatism had become the political expression of the interests of social strata that were losing their influence and were those least adapted to the new conditions.

There existed another, «ideological-value» dimension to the conflict between conservatives and the status quo. The ideals of Russian conservatives on the eve of World War I were openly archaic and, in essence, presented themselves as variations of the notorious Uvarov's triad «orthodoxy, autocracy, nationality». Describing their vision of an optimal political organization, they allotted the central place to autocracy, insisted on the necessity to secure the dominant position for the Russian and Orthodox majority. They argued that agriculture was destined to remain eternally the key branch of national economy.

The introduction of representative legislative institutions, rise of economic influence of some national minorities, rapid industrial growth, and serious problems in agriculture directly contradicted the conservatives' notion of the optimal model for the state's structure. Political and socio-economic modernization was looked at as at mortal danger to the old regime, or even as the beginning of a *Götterdämmerung*. In this situation, conservatives worked out a series of political and socio-economic programs which became alternatives to official policies. Their rejection gave rise to a wave of gloomy forecasts and eschatological expectations; the famous Durnovo memorandum was only one example of documents expressing emotions of this kind. Conservative viewed the future with pessimism, and this pessimistic mood turned to be justified by the catastrophic events in a few years.

Before the Great War, conservatives had stopped viewing themselves as buttresses of the Russian political system. This condition, no less than pressure from the left, brought about the quick and irreversible disintegration of the 3rd-of-June Regime. The pre-1917 status-quo definitely did not suit socialists or liberals, but neither did it satisfy the conservatives.

Foreword

Russian conservatism in the years between the end of the first Russian revolution and the start of the First World War was a diverse movement rich in ideas and values, offering a vision counter to the troubled realities of those times, Mikhail Loukianov shows us in this deeply researched and carefully argued study. Simple stereotypes of Russian conservatives as unquestioning defenders of the state's ideology and the status quo are inadequate to describe their complex perspectives on their age: their ambivalent view of Nicholas II's autocracy; their advocacy of an alternative path of national development; their troubled awareness of the dangerous weakening of Orthodox Russian ethno-confessional predominance in the empire; their growing pessimism.

Drawing on a wide range of published and unpublished primary sources, but also on comparative insights from the history of western European conservatism, and focusing on the troubled years between the revolution of 1905 and the start of the First World War, Loukianov offers a nuanced account of a movement marked by an often paradoxical mixture of vision, feeling, imagination, and energy alongside reaction, ambivalence, blindness, and disorganization. Loukianov allows us to hear a wide range of conservative voices, from moderate nationalists to the far Right, and not limited to the best-known publicists and leaders from Moscow and St. Petersburg. Indeed, he is sensitive to the many differences among conservatives, who shared, by definition, a belief in the value of traditions and a desire to preserve what was best from the past but not a consistent view of what those best qualities were nor how to promote them.

Loukianov recovers largely forgotten voices of the past, but he does not romanticize them. He helps us understand conservative values and ideas in order better to understand those times of crisis and possibility in Russian life, not to find heroes nostalgically to admire as alternatives to those who ultimately won the battle to shape Russia's future. With scholarly care and balance, Loukianov describes and analyzes the conservative vision – the alter-

native values and plans they articulated but also the archaism of their ideals and their failures of logic and strategy – without judgmental editorializing about the prerevolutionary past or, for that matter, the postsocialist present (today, of course, conservative nationalist ideas, including the leitmotif “Russia for the Russians,” are finding new life).

In detailing the ideological and moral vision of conservatives, with all due attention to the various differences among them, Loukianov shows the continued power of the early nineteenth-century ideological trinity of Orthodoxy, Autocracy, and Nationality (народность), along with the precursors of this conservative dogma, notably the anti-reform historical and political arguments of Nikolai Karamzin. If anything, the conditions in Russia after 1905 inspired a revival of these old principles, perhaps precisely because they were so embattled. Orthodoxy and especially the church had become less influential in public life. The absolute power of the monarch was weakened by the rise of civic organizations but also by the state’s own reforms in 1905-06 (ambivalent and hesitant, to be sure, but still erosive). And the bonds of understanding and love between tsar and people that народность romanticized were becoming less and less plausible in the face of sharpening popular political and social discontent.

In chapters focusing on political philosophy, conceptions of government, views of nationhood and ethnicity, and social and economic thought, Loukianov carefully documents both the critical perspectives and positive ideals of Russian conservatives. He describes their classic conservative skepticism about human reason and will and their respect for tradition as a more organic source for development. Out of these core beliefs arose their conviction in the need for the strong hand of ordering authority and community and the virtues of social hierarchy. They viewed democratic institutions with disdain for as ill-suited to Russia’s national character and traditions (though this did not prevent their participation in the new Duma). They insisted instead on the necessity and virtue of autocratic state power (indeed, they saw the tsar as the only proper political subject). Measured against their vision of ideal autocracy, they viewed the practices of the actual government and the current autocrat with ambivalence at best (of course, Nicholas II was himself uneasy about the course of economic modernization and political reform for which he was formally responsible). Conservatives were also determined to bolster Russian

ethnic and confessional dominance within the multinational empire (and the authority of the autocracy and the Church as defenders of Russianness), though this was increasingly less out of faith in Russian superiority and mission than out of an anxious and defensive distrust of the dangers posed by increasingly mobilized and influential minorities, especially Jews, whom many conservatives, Loukianov shows, viewed in increasingly racialized terms as an endemically dangerous and unassimilable Other.

Woven through these political positions was a reluctance to accept the social and moral conditions of modernity, a critique that in some ways brought them interpretively close to the socialists they so despised. Although they valued private property and enterprise, this regard was tempered by a highly negative view of “capitalists” and the “bourgeoisie” as selfish promoters of personal interest rather than the national good. Conservatives shared the widespread view that capitalism, as a system of social relations, was morally harmful and even dehumanizing. Phrases in conservative rhetoric like “обездушение личности,” nearly impossible to translate, echo a widespread and resonant civic concern in Russia, heard among socialists and liberals as well as among conservatives, with the harm modern life inflicted on the human person and self (личность). For similar reasons they had a marked distaste for the artificiality, alienation, and fractures of urban life—especially of the capital city, St. Petersburg. Likewise, conservatives viewed the Russian state’s policies of forced industrialization as harmful—they idealized, instead, natural economic development grounded in the dominant agrarian economy as more balanced and humane. To ameliorate social tensions, they looked not to greater equality or rights but to patriarchal social relations (including the leadership of landed nobles) and the protective and regulating role of the state.

Loukianov emphasizes how divorced this conservative vision was from contemporary realities. In their “extreme archaism” (крайняя архаичность), Russian conservatives, Loukianov argues, differed from most western European conservatives, who in various ways reconciled themselves with modern development. This vision was also, in the end, debilitating and fatal, he suggests, for their vehement defense of an archaic political order and ideology and archaic economic and social relations was unlikely to yield anything but frustration. Unwilling to compromise with existing reality, they futilely hoped to

make reality adjust. The few conservatives, he says, who supported the path of reform taken in Russia were “outsiders” to mainstream conservatism. In many respects, though, we can see that all conservatives were outsiders—alienated from the modest reformism of the autocracy, from the demands of liberals and socialists for faster and deeper reform, from the widespread desire among the population for representative democracy and social leveling, even from modernity itself.

Conservatives often began to despair over the state of the nation, the empire, and the modern world. As is often the case, emotions were entwined with ideas in conservative judgments about the conditions of their times. Thus, for example, the conservative moral critique of both capitalism and socialism was constructed around notions of the harm caused by feelings of class envy and hatred and by a materialism that de-emphasized spiritual and moral values. More generally, many conservatives viewed the contemporary world in emotionally dark tones. They felt that a new “time of troubles” (смутное время) had descended on Russia: that Russia’s internal life was marked by increasing “fragility,” “chaos,” and “disorder” (непрочность, хаос, нестроение), by a “depraved” atmosphere of “cowardice, egoism, baseness, and lies” (малодушие, эгоизм, подлость, и ложь), and by lack of faith. In response, in both public and private, many conservatives admitted to feeling hopeless and “depressed” (уныние), to a spreading “feeling of sorrow” (чувство скорби). They were not alone. Even many liberal commentators writing in Russia’s newspapers and journals in these prewar years, spoke of a widespread public mood of “disenchantment” (разочарование), “melancholy” (тоска), lack of faith, “tragedy” (трагизм), and uncertainty. Ideological conservatives were not the only public voices in Russia between the wake of revolution and the start of the world war speaking of the approach of “catastrophe.” It is one of the many strengths of Loukianov’s excellent study—the final word of which, we note, is катастрофа—that we can see here clearly the ideas and values that helped conservatives perceive the crisis of their age but also led them to respond to Russia’s modern condition in such a way that their own catastrophe was made all the more certain.

Mark D. Steinberg
Urbana-Champaign, Illinois, USA

Благодарность

Эта книга никогда бы не увидела свет, если бы не содействие многих людей и институтов. Поддержка Пермского государственного университета, института «Открытое общество» и Американских советов по международному образованию дали возможность в течение длительного времени заниматься в российских, британских и американских библиотеках и архивах. Большое значение имела для меня помощь руководства Западно-Уральского института экономики и права, прежде всего, Е.А.Орачевой.

Я многим обязан своим учителям, под влиянием которых обратился к истории европейского консерватизма. Поощряемый Л.Е.Кертманом, я предпринял попытку разобраться в парламентских речах Э.Берка, а позднее под руководством П.Ю.Рахшмира занимался историей и историографией британского консерватизма.

Выражаю искреннюю благодарность своим коллегам по кафедре новейшей истории России историко-политологического факультета Пермского государственного университета: М.А.Ивановой, И.К.Кириянову, Л.А.Обухову, М.Д.Суслову, Г.А.Янковской за советы и участие.

Настоящий текст является результатом переработки содержания моей книги, выпущенной издательством Пермского университета в 2001 г., а также серии статей, опубликованных в 2002 – 2006 гг. в «Slavic Review», «Russian History», «Отечественной истории» и в некоторых других изданиях. Основные положения монографии уточнялись при работе над докторской диссертацией, защищенной в 2004 г. в Санкт-Петербургском институте истории РАН. Готовя второе издание книги, я учел замечания и рекомендации, высказанные в ходе обсуждения и защиты диссертации Б.И.Колоницким, Р.Ш.Ганелиным, Б.Д.Гальпериной, М.Ф.Флоринским, В.Г.Чернухой, А.Н.Цамутали и другими петербургскими коллегами.

Личные и виртуальные контакты с А.Мartiном, Т.Виксом, Д.Кенкер, П.Хольквистом, М.Мелансоном, Д.Расоном, М.Стейнбергом,

Р.Эделманом, Ф.Вчисло, Дж.Лангером, Ю.Грином, Э.Хокинсом всегда были источником новой информации, побуждали к более широкому взгляду на предмет и избавлению от стереотипов.

Историк очень зависит от архивистов и библиографов, роль которых в исследовательской деятельности любого рода невозможно переоценить. Я крайне признателен сотрудникам отечественных и зарубежных библиотек и архивов, где мне довелось работать.

Рукопись никогда не превратилась бы в макет, а затем в книгу без рекомендаций Е.А.Огиенко и Л.И.Студеникиной по поводу стиля и справочного аппарата.

Мои студии часто были сопряжены с длительным пребыванием вдали от дома. Поэтому отдельная благодарность К.Хьюитт, Ю.Гаухман, М.Стейнбергу, Дж.Хеджес и В.Ищенко, чье содействие и дружеское отношение так облегчали мое существование и работу во время многочисленных разъездов в 1994 – 2005 гг.

Очень рад, что с результатами моих трудов могут познакомиться родители. Хотя они никогда не испытывали восторга по поводу профессии сына, я всегда пользовался их поддержкой и сочувствием. И, если бы не понимание и долготерпение моей жены Ольги, я едва ли бы смог закончить работу над книгой, вся ответственность за концептуальные и фактические изъяны которой, разумеется, ложится только на автора.

Введение

Накануне Первой мировой войны консервативные партии и организации казались неотъемлемой частью российского политического ландшафта. К консервативным фракциям принадлежало около трети членов III и IV Государственной Думы. Такие ежедневные издания, как «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Русское знамя», «Земщина», «Киевлянин» имели многочисленную читательскую аудиторию. Консервативные взгляды разделяли император Николай II и значительная часть высшей бюрократии.

Однако всего этого оказалось недостаточно, чтобы обеспечить политическое выживание российского консерватизма. В феврале – марте 1917 г. монархические организации проявили потрясающую пассивность, не предприняв никаких попыток спасти самодержавие. Сразу же после свержения монархии многие правые деятели заявили о лояльности Временному правительству¹.

Спустя всего месяц после отречения Николая II один из наиболее известных консервативных политиков, В.М.Пуришкевич, писал: «...старая власть не может воскреснуть, ибо весь старый строй русской государственной жизни, прогнивший сверху донизу, был карточным домиком, упавшим от легкого дуновения волны свежих, здоровых, национальных чувств народных»². Стремления восстановить прежний порядок не проявляли в 1917 – 1918 гг. и другие видные консерваторы³.

¹ Чхартишвили П.Ш. Черносотенцы в 1917 году // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 133 – 143 .

² Пуришкевич В.М. Без забрала. Пг.: Типолитография И.М.Машистова, 1917. С. 1. Подробнее о позиции Пуришкевича после свержения самодержавия см.: Розенталь И.С. Пуришкевич – известный и неизвестный // Проблемы политической и экономической истории России / отв. ред. В.В.Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1998. С. 284 – 303.

³ Репников А.В. Консервативная модель // Модели общественного переустройства России: XX век / отв. ред. В.В.Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 223 – 225.

До сих пор в исторической литературе отсутствует адекватное объяснение парадоксальной ситуации: те, кто десятилетиями уверял в своей преданности самодержавию, палец о палец не ударили, чтобы его спасти. Советские историки традиционно видели причину политического бессилия и развала консервативного движения в 1917 г. в том, что после Февраля оно лишилось поддержки со стороны государственных органов и влиятельных особ⁴. Но этим обстоятельством никак нельзя объяснить бездействие консервативных политических структур до падения монархии. К тому же отношения между правительственными инстанциями и консервативными организациями никогда не были идиллическими: они часто конфликтовали, и, даже действуя в одном и том же направлении, продолжали оставаться автономными игроками на политическом поле.

Едва ли крах российского консерватизма в 1917 г. может быть отнесен на счет сдвигов, произошедших под влиянием войны. С ее началом обстановка в консервативном лагере принципиально не изменилась. В нем доминировали те же люди и те же организации, что и до войны. Вступление «прогрессивных националистов», в Прогрессивный блок не изменило ситуации радикальным образом: политический вес этой группировки был недостаточно велик, чтобы серьезно влиять на консервативную политику в целом. Война обострила проблемы, возникшие задолго до ее начала. «Эпоха насилия», наиболее яркими проявлениями которой стали большевистская диктатура и Гражданская война, началась в России еще в 1905 г.⁵

Представляется, что истоки недееспособности российских консерваторов в революционную пору следует искать в предвоенном времени. В этом контексте первостепенное значение имеет выяснение того, как консерваторы оценивали действительность, что и каким образом стремились в ней изменить.

Речь идет об анализе политической идеологии российского консерватизма, рассматриваемой как область трансформации абстрактных

⁴ См., например: Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М.: Мысль, 1977. С. 231.

⁵ См.: Holquist P. Violent Russia, Deadly Marxism? Russia in the Epoch of Violence, 1905-1921 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2003. Vol. 4. No. 3. P. 627 – 652.

принципов в конкретные политические программы. Консервативная идеология придавала смыслы политической деятельности, играла важнейшую роль в разработке политической стратегии правой части политического спектра⁶.

В качестве мировоззренческой основы такой идеологии выступал комплекс идей, включающий положения о ведущей роли континуитета и традиции в жизни общества, тщетности попыток его переустройства на рациональных началах, необходимости жесткого контроля над индивидом, неравенстве людей и иерархической организации общества, большем значении правильного подбора исполнителей, чем институциональных новшеств⁷.

Нельзя не заметить, что указанные посылки носят универсальный характер: они присутствуют в любой консервативной политической программе, независимо от места и времени. Однако степень значимости каждой из посылок и их конкретные проявления в политической идеологии меняются от страны к стране, от эпохи к эпохе и зависят главным образом от характера и направленности вызова, брошенного консерватору его оппонентами. Именно политический вызов придает абстрактному консервативному философствованию конкретность, превращает его в систему конкретных политических идей, этому вызову противостоящих.

В рассматриваемый период носителем консервативной идеологии выступала та часть российского общества, которая поддерживала политические силы правее «Союза 17 октября» и разделяла различные модификации принципа «Православие. Самодержавие. Народность». Консерваторы отдавали монархии безусловный приоритет перед прочими

⁶ См.: Freedman M. *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. 2nd ed. Oxford: Clarendon, 1998 (1st ed. 1996); Green E.H.H. *Ideologies of Conservatism: Conservative Political Ideas in the Twentieth Century*. Oxford: Oxford University Press, 2002.

⁷ Такой способ описания консервативного философского кредо широко распространен в современной литературе. См., например: Quinton A. *Conservatism* // R.E.Goodwin, P.Pettit (Eds.) *A Companion to Contemporary Political Philosophy*. Oxford: Blackwell, 1993. P. 244 – 268; Suvanto P. *Conservatism from the French Revolution to the 1990s*. Basingstoke: Macmillan; New York, NY: St. Martin's Press, 1997; Müller J.Z. *What is Conservative Social and Political Thought?* // J. Z. Müller (Ed.) *Conservatism: An Anthology of Social and Political Thought from David Hume to the Present*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997 P. 3 – 31.

государственными институтами и стремились обеспечить привилегированное положение господствующей этноконфессиональной группы.

Глубокие изменения в политической системе, начавшиеся в период революции 1905 г., означали, что модернизационные процессы распространились и на политическую сферу. После 3 июня 1907 г. утверждение институтов и норм политического поведения, характерных для более развитых государств, происходило в условиях относительной политической стабильности. Реформы осуществлялись от имени самодержца, лояльность которому выступала как атрибут консервативной политической принадлежности.

Несмотря на это, адаптация консерваторов к новым реалиям, порожденным модернизацией российского общества, оказалась крайне сложной. С одной стороны, консерватор должен был безусловно поддерживать преобразования, осуществлявшиеся с санкции императорской власти, с другой – он обязан был им противодействовать, ибо происходившее в стране явно не соответствовало теоретическим и практическим установкам российского консерватизма. Неадекватность консервативной идеологии новым условиям породила кризис консерватизма. Вопрос о стратегии его преодоления стал предметом острых разногласий. Консерваторам предстояло решить, что делать: корректировать идеологию сообразно действительности, или, наоборот, действительность сообразно идеологии.

Выбор первого варианта означал превращение консерватора из защитника институтов и ценностей традиционного общества в защитника новых, либеральных по происхождению, принципов. Во втором случае консерватор должен был остаться последовательным оппонентом либеральной идеи и попытаться свести ее проявления к минимуму, сохранив максимум элементов традиционного уклада в общественной жизни. Как и почему российский консерватизм предпочел, в конечном счете, второй вариант и составляет главный сюжет данной работы.

Учитывая амбивалентность многих понятий, используемых в ней, целесообразно сделать несколько дополнительных замечаний методологического свойства.

Во-первых, стремление к сохранению статус-кво не рассматривается как достаточное основание для идентификации того или иного идейно-политического течения с консерватизмом. Консерваторы далеко не всегда выступали в роли хранителей существующего порядка. Если в условиях политической стабильности защита статус-кво являлась *raison d'être* консервативной политической позиции, то в периоды бурных общественных перемен, которые воспринимались консерваторами как катастрофа, новая, уже «катастрофическая», реальность зачастую вызывала у них отвращение.

В качестве примера неприятия статус-кво можно сослаться на негативное отношение к политической реальности, созданной Великой французской революцией, классиками западноевропейского консерватизма – Э.Берком, Ж.де Местром, Л.де Бональдом. Они выступали не за реставрацию дореволюционного или дореформенного порядка, а за создание нового статус-кво, отвечающего консервативным представлениям о правильной социальной организации.

Поэтому консервативные политические программы с легкостью обретали черты утопии, конструирующей альтернативные реальности социально-политические проекты. Такого рода идеологические конструкции получили широкое распространение в произведениях европейских консервативных теоретиков XIX – XX вв., от А.Мюллера и Р.де Шатобриана до С.Ф.Шарапова и И.А.Ильина.

Во-вторых, в исследовании такого рода особенное значение имеет соблюдение принципа историзма. Идея соотнесения реально существовавших идейно-политических течений с заранее созданной моделью аутентичного консерватизма, выяснение, кто с точки зрения дня сегодняшнего может быть назван консерватором, а кто – нет, представляется малопродуктивной. Гораздо важнее установить, к чему стремились и чего желали те, кто считал себя консерватором и кого считали таковыми современники.

Я старался по возможности расширить круг используемых источников, чтобы «услышать» не только столичных консервативных политиков и публицистов, но и их провинциальных коллег, чтобы судить о консервативных идейно-политических установках и по публичным заявлениям,

и по высказываниям, рассчитанным на конфиденциальность. В книге рассматривается весь спектр взглядов консервативных политических группировок – от наиболее непримиримого Всероссийского Дубровинского союза русского народа до сравнительно умеренного Всероссийского национального союза, от правых Государственной Думы до думских «консерваторов-конституционалистов» (группы Центра).

В-третьих, исходя из сказанного, имеет смысл определить содержание понятий «консерватизм» и «правая». С одной стороны, в начале XX в. европейские праворадикальные движения только зарождались, и было бы вполне корректно рассматривать оба понятия как синонимы, характеризующие в сущности один и тот же круг политических идей и организаций⁸. С другой стороны нельзя не учитывать специфики русской политической лексики начала XX в. «Правыми» называли группу депутатов Государственной Думы и их единомышленников. Тот же термин использовался для обозначения сторонников А.И.Дубровина, которые резко критиковали правых думцев по многим принципиальным вопросам. Наконец, в составе Государственного Совета существовала Правая группа. Все эти формирования были в той или иной мере связаны с Союзом русского народа и выделившимися из него организациями и ассоциировались с жестким политическим курсом в защиту самодержавия.

Образовавшиеся в 1908 – 1909 гг. Всероссийский национальный союз и Партия умеренно-правых, (в начале 1910 г. они объединились) расходились с правыми по многим политическим вопросам, в особенности в оценке роли представительных учреждений⁹. Однако их основные идеологические посылки были очень близки и представляли собой вариации на тему уваровского трехчлена «Православие. Самодержавие.

⁸ Такой подход широко распространен в научной литературе последнего времени. См.: Eatwell R., O'Sullivan N. (Eds.) *The Nature of the Right: European and American Politics and Political Thought since 1789*. London: Pinter, 1989; Blinkhorn M. (Ed). *Fascists and Conservatives: The Radical Right and the Establishment in Twentieth Century Europe*. London, Boston: Unwin Hyman, 1990; Jones L.E., Rettallack J. (Eds) *Between Reform, Reaction and Resistance: Studies in the History of German Conservatism from 1789 to 1945*. Providence, RI; Oxford: Berg, 1993; Suvanto P. *Conservatism from the French Revolution to the 1990s*.

⁹ Те же расхождения были характерны и для их думских фракций, которые в 1909 г. образовали единую «Русскую национальную фракцию» (позднее – «Фракция националистов и умеренно-правых»).

Народность». Исходя из сугубо консервативного характера указанных принципов, трудно согласиться с некоторыми новейшими авторами, трактующими идеологию ВНС как «либеральный национализм» или относящими ВНС к «полулиберальным и либеральным партиям»¹⁰. Поэтому во избежание терминологической путаницы в качестве родовой характеристики идеологической платформы всей правой части российского политического спектра, включая националистов, используется понятие «консерватизм».

Российские консерваторы начала XX в. долгие годы оставались на периферии исследовательских интересов отечественных историков. Вдобавок, в публикациях на эту тему пропагандистское начало преобладало над собственно научным. Лишь со второй половины 1960 – х годов благодаря А.Я.Авреху и В.С.Дякину этот сюжет стал изучаться в рамках анализа политической борьбы в дореволюционной России¹¹.

Указанная проблематика интенсивнее осваивалась западными авторами, которые раньше своих советских коллег обратились к исследованию ключевых аспектов истории российского консерватизма. Первые специальные работы о генезисе правых политических формирований были подготовлены Х.Роггером, первая специальная монография о националистах – Р.Эделманом, первое специальное исследование об электоральной практике российских правых партий – Р.Рексхейзером¹². В результате западным историкам удалось представить более полную

¹⁰ См.: Коцюбинский. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: РОССПЭН, 2001. С. 498; Кирьянов Ю.И. Русское собрание. 1900 – 1917. М.: РОССПЭН, 2003. С. 3 – 4.

¹¹ См.: Аврех А.Я. Столыпин и третья Дума. М.: Наука, 1968; Аврех А. Царизм и IV Дума. 1912 – 1914. М.: Наука, 1981; Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914 – 1917). Л.: Наука, 1967. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907 – 1911 гг. Л.: Наука, 1978; Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911 – 1914 гг.: Разложение третьеиюньской системы. Л.: Наука, 1988.

¹² См.: Rogger H. The Formation of the Russian Right // California Slavic Studies. 1964. Vol. 3. P. 66 – 94; Rogger H. Was There a Russian Fascism? // Journal of Modern History, 1964. Vol. 36. No. 4. P. 398 – 415; Edelman R. Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: The Nationalist Party, 1907 – 1917. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1980; Rexheuser R. Dumawhalen und lokale

картину эволюции российской консервативной политики и идеологии, чем их советским коллегам¹³.

В 1990-е годы историографическая ситуация принципиально изменилась. Западные исследователи потеряли интерес к российскому консерватизму начала XX в. Последняя специальная монография на эту тему вышла в 1995 г.¹⁴, а автор новейшего обобщающего труда «Русский консерватизм и его критики» ограничил характеристику периода буквально несколькими страницами¹⁵.

Между тем, в постсоветской России прошлое российского консерватизма превратилось в популярнейшую область исторических изысканий. Количество работ на эту тему, увидевших свет в 1990 – 2000 – е гг. оказалось на порядок больше числа публикаций за все предшествующее время¹⁶.

Gesellschaft: Studien zur Sozialgeschichte der russischer Rechten vor 1917. Köln; Wien: Böhlau, 1980.

¹³ Среди наиболее значительных западных работ по истории российского консерватизма начала XX в. см. также: Hosking G. The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907 – 1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1973; Löwe H.-D. Antisemitismus und reaktionäre Utopie: Russischer Konservatismus in Kampf gegen den Wandel von Staat und Gesellschaft. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1978; Manning R.T. The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1982; Verner A.M. The Crisis of Russian Autocracy: Nicholas II and the 1905 Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990; Wcislo F.W. Reforming Rural Russia: State, Local Society, and National Politics, 1855 – 1914. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.

¹⁴ Книга Д. Расона (Rawson D.C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge: Cambridge University Press, 1995) до сих пор остается последним специальным монографическим сочинением о российском консерватизме начала XX в., опубликованным на Западе.

¹⁵ См.: Pipes R. Russian Conservatism and Its Critics: A Study in Political Culture. New Haven, CT: Yale University Press, 2006. P. 173-178.

¹⁶ Беленький И.Л. Консерватизм в России XVIII – начале XX в. (Библиографический обзор отечественных исследований и публикаций второй половины XX в.) // Россия и современный мир. 2001. № 4. С.245 – 262; 2002. № 1. С.253 – 272; № 2. С.237 – 242; № 3. С.217 – 239; 2002. № 4. С.230 – 251; 2003. № 2. С.267 – 279. Общий обзор современной российской литературы по проблемам истории отечественного консерватизма см.: Минаков А.Ю. Русский консерватизм в современной российской историографии: новые подходы и тенденции изучения // Отечественная история. 2005. № 6. С.133 – 142.

Исследования С.А.Степанова, Ю.И.Кирьянова, Д.А.Коцюбинского установили основные вехи эволюции крупнейших политических организаций правых и националистов¹⁷. Появились работы, посвященные анализу политических и социально-экономических воззрений консерваторов, ранее не служивших объектом самостоятельных штудий¹⁸. Российский консерватизм стал рассматриваться в широком историческом контексте, как специфический национальный вариант европейских консервативных идейно-политических течений¹⁹. Были изданы и переизданы многие источники, что заметно расширило документальную базу исследований в данной области²⁰. Все это свидетельствовало о заметном прогрессе в изучении истории консерватизма в современной России²¹.

¹⁷ Степанов С.А. Черная сотня в России (1905 – 1914 гг.) М.: ВЗПИ / Росвузнаука, 1992; Коцюбинский. Русский национализм в начале XX столетия; Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911 – 1917. М.: РОССПЭН, 2001; Кирьянов Ю.И. Русское собрание.

¹⁸ См., например: Шлемин П.И. М.О.Меньшиков: мысли о России. М.: ИНИОН, 1997; Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма. М.: Московский общественный научный фонд, 1999; Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М.: Сигналь, 1999; Гусев В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь: Тверской государственный университет, 2001; Милевский О.А. Лев Тихомиров: две стороны одной жизни. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2004.

¹⁹ См., например: Национальная правая прежде и теперь: историко-социологические очерки / отв. ред. Р.Ш.Ганелин. СПб.: С.-Петербургский филиал Института социологии РАН, 1992. Ч. 1 – 3; Исследования по консерватизму / гл. ред. П.Ю. Рахшмир Пермь: Пермский государственный университет, 1994 – 2000. Вып. 1 – 6; Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее / отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2001 – 2004. Вып.1 – 3; Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт / под ред. В. Дубиной, М.М. Леонова, Л.Банцхафа. Самара: Самарский научный центр РАН, 2002.

²⁰ См.: Правые партии. 1905 – 1917: документы и материалы: в 2 т. / Сост. Ю.И.Кирьянов. М.: РОССПЭН, 1998; Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб.: Российский Имперский Союз-Орден, 1992 (Эта книга, лишь однажды изданная до революции, неоднократно переиздавалась в течение 1990 – х гг.); Марков Н.Е. Войны темных сил. Статьи, 1921 – 1937. М.: Москва, 2002; Щербатов А.Г. «Обновленная Россия» и другие работы. М.: SPSSL, Русская панорама, 2002; Меньшиков М.О. Национальная Империя М.: Имперская традиция, 2004 и др.

²¹ Общую характеристику современной ситуации в историографии российского консерватизма начала XX в. см.: Narskii I. The Right-Wing Parties: Histo-

Увеличение интереса к указанной проблематике наряду с безусловно позитивными результатами имело и серьезные издержки, главной из которых стало широкое распространение апологетического подхода к консерватизму. В его рамках консерваторы начала XX в. предстают носителями великих истин, напрасно отвергнутых современниками и вполне актуальных в наши дни²². В подобной трактовке смущает не столько стремление толкнуть отечественный консерватизм на путь, который однажды уже привел его к краху, сколько устойчивость традиции предельно политизированного, пропагандистского отношения к объекту исследования. По сути дела воспроизводится ситуация с изучением консерватизма в советское время с той лишь разницей, что априорно негативное отношение сменяется априорно позитивным²³.

Справедливое четверть века назад заключение Р.Эделмана о том, что заниматься историей русской правой значит действовать на слабоизученной территории, больше не соответствует реальности²⁴. Тем не менее о консерваторах по-прежнему известно существенно меньше, чем об их оппонентах. Ликвидация этого дисбаланса остается важной задачей, скромную лепту, в решение которой может внести настоящая монография.

riographical Limitations and Perspectives // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2004. Vol. 5. No. 1. P. 179 – 184.

²² См., например: Острецов В.М. Черная сотня: взгляд справа. М.: Русское слово, 1994; Смолин М.Б. Очерки Имперского Пути: Неизвестные русские консерваторы второй половины XIX – первой половины XX века. М.: Москва, 2000; Кожин В.В. Черносотенцы. М.: Эксмо; Алгоритм, 2004.

²³ Об апологетическом подходе к консерватизму см. подробнее: Витенберг Б. Консерватизм в России: прошлое или будущее? (Обзор книг о русском консерватизме) // *Новое литературное обозрение*. 2002. № 58. С. 344 – 354.

²⁴ Edelman R. *Gentry Politics on the Eve of the Revolution*. P. IX.